

Позиция английской дипломатии в период конференции в Монтрё 1936 г.

В советской и зарубежной марксистской исторической литературе всесторонне показана борьба Советского правительства за обеспечение законных интересов СССР и других причерноморских государств в зоне проливов в период конференции в Монтрё¹.

Буржуазные историки, прежде всего английские и турецкие, стараются оправдать антисоветскую позицию британской делегации на конференции, стремятся извратить последовательную борьбу Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в Европе². В данной статье на основе советских, английских, французских, болгарских и польских документов ставится задача показать позицию английской дипломатии на конференции в Монтрё.

Рост агрессивности фашистских держав в 1935 — начале 1936 г., выразившийся в нападении Италии на Эфиопию, в усилившемся давлении Германии на Австрию и в оккупации Рейнской зоны, усилил беспокойство малых государств Юго-Восточной Европы, в том числе и Турции, за свою безопасность. К началу 1936 г. произошли значительные изменения в отношении западных держав к вопросу ремилитаризации черноморских проливов. После подписания договора о взаимопомощи с СССР в мае 1935 г. Франция, заинтересованная в

¹ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948; Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г.— *Вопр. истории*, 1963, № 11; Альтман В. В. Из истории рабочего класса и революционного движения: Сб. статей. М., 1958; Дранов Б. А. Черноморские проливы: Международно-правовой режим. М., 1948; Постников А. С. Конференция в Монтрё 1936 г. и позиция Франции.— В кн.: *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время*. Свердловск, 1983; Чемпалов И. Н. *Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933—1939)*: Дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1973. Машинопись; Живкова Л. *Англо-турские отношения, 1933—1939*. София, 1971; Deutsch R. *Conférentia de la Montreaux (1936)*.— *Analele de istorie. Bucuresti*, 1969, N 1.

² Abrevaja J. *La Conference de Montreaux et le regime des Detroits*. P., 1938; *Survey of International Affairs, 1936* Ed. by Toynbee. L., 1937; Graves P. *Briton and Turk*. L., 1941; Kilic A. *Turkey and the World*. Washington, 1960; Vere-Hodge E. K. *Turkish Foreign Policy, 1918—1948*. Geneve, 1950; Esmer A. S. *Siyasi tarig, 1919—1939*. Ankara, 1953; Shotwell S., Deak F. *Turkey and the Straits*. N.Y., 1940.

поддержке советского флота, сняла свои возражения против замены Лозаннской конвенции новой, более приемлемой для черноморских государств³.

Изменилась и точка зрения правительства Англии: уже в конце 1935 г. Англия пересмотрела свою позицию в вопросе о проливах и приняла решение не оказывать сопротивления турецкому требованию об их ремилитаризации⁴. Наиболее важной причиной изменения английской позиции явилось нарушение равновесия в Средиземном море после агрессии Италии против Эфиопии. Для укрепления своего стратегического положения в этом районе Англия нуждалась в новых союзниках. Поэтому содействие Турции в созыве конференции открывало для Англии новые возможности усиления своих позиций в этой стране. Кроме того, поддержав турецкое требование, правительство Англии рассчитывало «отделить» Турцию от СССР⁵.

Захват Эфиопии укрепил положение итальянского империализма на чрезвычайно важной стратегической позиции, создавал угрозу британским коммуникациям и колониальным владениям в Восточной Африке и Египте. Английское правительство, используя страх турок перед возможной итальянской агрессией, добилося присоединения Турции к джентльменскому соглашению о взаимной помощи в случае нападения Италии на британский флот в Средиземном море. Этим Англия не только заручилась поддержкой Турции против Италии, но и положила начало вовлечению Турции в орбиту английской внешней политики. С этого времени англо-турецкие отношения вступили в новую фазу — сближения, а затем союза⁶.

В такой обстановке Турция, занимавшая важные стратегические позиции в Восточном Средиземноморье и имевшая сильное влияние в Балканской Антанте, приобретала для Англии большой интерес⁷. Болгарский посланник в Лондоне Радев в донесении премьер-министру Болгарии Кыосеиванову от 31 мая 1936 г. подчеркивал, что стремление Турции ремилитаризовать Дарданеллы не встретит в Англии противодействия, так как «укрепленная Турция полезна английским интересам как противовес Италии»⁸. В Англии надеялись, что закрытие советскому флоту выхода из Черного моря приведет к утрате Францией интереса к пакту с СССР и облегчит англо-французское сотрудничество⁹.

В ходе парламентских дебатов по вопросам внешней политики Великобритании в июне 1936 г. представители лейборист-

---

³ Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 49.

⁴ Живкова Л. Англо-турские отношения, с. 64—66.

⁵ СССР и Турция, 1917—1979. М., 1981, с. 134.

⁶ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 174.

⁷ Там же, с. 175.

⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 583, л. 173.

⁹ Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 109.

ской оппозиции критиковали нерешительную политику консервативного правительства Болдуина в отношении Италии в период итало-эфиопской войны, призывали защитить интересы Британской империи, сохранить ее целостность, обезопасить имперские коммуникации в Средиземноморье¹⁰. Важную роль в решении Англии дать свое согласие на пересмотр режима проливов сыграло стремление английской дипломатии путем сближения с Турцией ослабить или разорвать тесные советско-турецкие связи. Англо-турецкое сближение должно было стать составной частью британского плана создания системы военно-политических блоков на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке для борьбы против своих империалистических соперников, национально-освободительного движения и Советского Союза. Англия стремилась блокировать продвижение Германии к Средиземному морю и на Ближний Восток¹¹.

29 января 1936 г. Форин оффис принял решение, «исходя из политической точки зрения», занять благожелательную для Турции позицию в вопросе ревизии режима проливов¹². Турция воспользовалась благоприятной ситуацией для новой постановки вопроса о ревизии Лозаннской конвенции о проливах. Несмотря на то что турецкий министр иностранных дел Р. Арас договорился с советским наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым о предварительном изучении Советским правительством проблемы ревизии проливов, турецкое правительство, даже не известив о своем решении правительство СССР, поспешило 11 апреля 1936 г. официально обратиться к странам-участникам Лозаннской конвенции (СССР, Англии, Франции, Италии, Румынии, Греции, Югославии, Болгарии, Японии) с нотой, в которой потребовало начать переговоры о заключении новой конвенции, регулирующей режим проливов. Из ноты следовало, что турецкое правительство прежде всего добивалось отмены демилитаризации проливов¹³.

Советский Союз был заинтересован в пересмотре конвенции о режиме проливов и прежде всего в обеспечении законных интересов и прав черноморских государств. 16 апреля Советское правительство первым поддержало турецкое предложение, выступив за пересмотр всей конвенции, ущемлявшей права черноморских стран¹⁴.

Вскоре правительство Турции получило ответы на свою ноту и от остальных заинтересованных государств. Все они, за исключением Италии, дали свое согласие на созыв конференции по вопросу режима черноморских проливов. Правительство

---

¹⁰ Parliamentary Debates. House of Commons, v. 313, 27/VII, 1936, p. 1613—1614.

¹¹ Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 102.

¹² DBFP, ser. 2, v. 16, N 488, p. 658—659, 660—661.

¹³ ДВП СССР, т. 19, с. 232—233.

¹⁴ Там же, с. 231—232.

Италии отказалось от участия в конференции, ссылаясь на санкции, примененные против нее Англией, Турцией и другими странами во время итало-эфиопской войны¹⁵.

Несмотря на положительный ответ на турецкую ноту, Англия не стремилась к пересмотру всей конвенции, так как ее вполне устраивал режим прохода через проливы военных судов, установленный в Лозанне в 1923 г. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситарт в беседе с французским послом в Лондоне Корбэном дал понять, что британское правительство не стремится к пересмотру статей Лозаннской конвенции, касающихся прохода военных судов через проливы¹⁶. В донесении болгарского посланника в Москве Антонова в МИД Болгарии от 21 апреля 1936 г. указывалось, что «англичане не хотели упустить возможность направлять свой флот в Черное море и угрожать русским в их собственных водах»¹⁷.

Правительство Франции в официальном ответе от 23 апреля выразило мнение, что текст турецкой ноты «обращает внимание не только на демилитаризацию, но и на положения, касающиеся прохода военных кораблей через проливы»¹⁸. Союзники Турции по Балканской Антанте — Греция и Югославия отнеслись к турецкому предложению о ремилитаризации проливов благожелательно. Генеральный директор МИД Греции Маврудис заявил французскому посланнику в Афинах Тьерри, что Греция, перед тем как определить свою точку зрения, выяснила позицию великих держав, и прежде всего Англии¹⁹.

21 апреля Греция дала официальный ответ Турции, в котором выражала согласие на переговоры об изменении статута проливов при условии одновременной ремилитаризации островов Лемнос и Самофракия²⁰.

Положительный ответ на турецкую ноту был дан и правительством Югославии, хотя оно не подписало Лозаннскую конвенцию 1923 г. Правительство Стоядиновича взамен своей поддержки рассчитывало на помощь Турции в случае итальянской агрессии против Югославии²¹.

Более сдержанную позицию в отношении турецкого предложения заняло правительство Румынии, особенно министр иностранных дел Н. Титулеску, который был недоволен тем, что правительство Турции выдвинуло свое требование, затрагивающее жизненные интересы Румынии, без предварительной кон-

---

¹⁵ СССР и Турция, 1917—1979, с. 134.

¹⁶ DDF, ser. 2, t. 2, N 81, p. 136.

¹⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 72.

¹⁸ DDF, ser. 2, t. 2, N 107, p. 176; N 74, p. 124.

¹⁹ Ibid., N 82, p. 137.

²⁰ Ibid., N 100, p. 168—169.

²¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2541, л. 154.

сультации с остальными членами Балканского пакта²². Болгарское правительство согласилось на ревизию Лозаннской конвенции, рассчитывая на реализацию в дальнейшем его собственных требований «мирной» ревизии военных и территориальных статей Нейского договора²³.

На сессии Балканской Антанты в Белграде с 4 по 6 мая 1936 г. Югославия, Греция и Румыния поддержали предложение Турции при условии, что в случае нападения на одного из участников пакта государства, не входящего в него, будет созвана конференция Балканской Антанты, которая решит, какие меры должны быть приняты в отношении Дарданелл²⁴.

30 апреля генеральный секретарь турецкого МИД Нуман Менеменджиоглу прибыл в Москву. 5 мая он был принят наркомом М. М. Литвиновым. Ему было обещано содействие, и Менеменджиоглу констатировал «полное согласие» между СССР и Турцией «по вопросу, который составляет предмет его миссии». Однако, по мнению болгарского посланника Антонова, тот факт, что Нуман Менеменджиоглу намеревался из Москвы направиться в Берлин, показывал, что Турция стремилась продемонстрировать свою «самостоятельную политику»²⁵. По словам польского посла в Москве Гжибовского, Менеменджиоглу имел «репутацию противника» дружеских отношений Турции с СССР²⁶.

В результате визита Менеменджиоглу в Берлин турецкое правительство не только заручилось поддержкой Германии, но и дало понять Англии, что если последняя не пойдет на демилитаризацию проливов, то Турция снова обратится за поддержкой к Германии. В Лондоне, куда из Берлина приехал турецкий дипломат, он заверил английское правительство, что Турция не намерена предоставлять немцам преимущественных прав в перевооружении зоны проливов²⁷.

Таким образом, длительная дипломатическая подготовка позволила Турции получить согласие почти всех заинтересованных стран на созыв конференции. Уже 16—17 июня в Лондоне и Париже стало известно содержание нового проекта конвенции, выработанного Турцией. Проект предусматривал отмену статей о демилитаризации проливов, ликвидацию Комиссии проливов и сохранение свободы торгового мореплавания, регулирование прохода военных судов²⁸.

²² Пак там, л. 98; DDF, ser. 2, t. 2, N 87, p. 145.

²³ ИДА, ф. 2е, оп. 4, л. 10, 147. Посланник Польши в Софии Тарновский-Беку, 4/V, 1936; DDF, ser. 2, t. 2, N 136.

²⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 266, л. 24; Правда, 1936, 6 мая.

²⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 102. Антонов-Кюсеянову, 5/V, 1936.

²⁶ ИДА, ф. 2е, оп. 4, л. 127. Гжибовский — Беку, 3/VII, 1936.

²⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 125, л. 1—2; Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 110.

²⁸ DDF, ser. 2, t. 2, N 310, p. 469—470, N 314, p. 474—475.

Конференция по пересмотру режима проливов открылась в швейцарском городе Монтрё 22 июня 1936 г. Главная борьба на ней развернулась между делегациями Советского Союза и Англии. Центральным вопросом, вокруг которого велись острые споры, был вопрос о свободном проходе через Босфор и Дарданеллы военных судов черноморских стран и о введении ограничений для допуска в Черное море военных кораблей нечерноморских стран. Советская делегация во главе с М. М. Литвиновым стремилась выполнить следующие задачи: «обеспечить мир в Черном море», «предоставить Советскому Союзу права переброски советских судов через проливы, включение договора о проливах в рамки статута Лиги наций»²⁹. При этом делегация СССР умело использовала заинтересованность Франции, стран Малой и Балканской Антант в сохранении территориального статус-кво в Европе.

Противоположные цели ставила перед собой делегация Великобритании, правительство которой пыталось путем сговора с фашистскими державами направить их агрессию на Восток, против СССР. Правительство Англии в то же время стремилось закрыть доступ Германии на Ближний Восток и в Африку. Исходя из этих целей, британская дипломатия хотела путем сближения с Турцией укрепить свои позиции в Средиземном и Черном морях, торпедировать советско-французский договор о взаимопомощи и полностью вовлечь Францию в фарватер своей политики попустительства фашистской агрессии. Английское правительство считало, что новая конвенция о проливах не должна препятствовать агрессии фашистских держав против Советского Союза.

Правительство Франции во главе с Блюмом не могло не учитывать настроения широких масс трудящихся, выступавших за участие Франции в политике коллективного отпора агрессорам совместно с СССР. К тому же среди части французской буржуазии росло понимание опасности германской агрессии. Поэтому правительство Блюма было вынуждено демонстрировать верность Лиге наций, франко-советскому пакту о взаимопомощи и своим союзным обязательствам перед Румынией и Югославией³⁰. На конференции в Монтрё французская делегация во главе с Поль-Бонкуром поддержала советскую делегацию в ее борьбе за принятие новой конвенции о проливах, учитывающей законные интересы СССР и причерноморских государств.

Поддержку советской делегации оказал и руководитель румынской делегации Н. Титулеску. В Монтрё Титулеску стре-

---

²⁹ Известия, 1936, 21 июля.

³⁰ Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945). М., 1964, с. 316; Постников А. С. Конференция в Монтрё 1936 г. и позиция Франции.

мился защитить интересы Румынии и других черноморских государств.

Позиция Японии на конференции в Монтрё была наиболее близка британской. Япония была заинтересована в максимальном ограничении выхода из Черного моря советского Черноморского флота, так как это помешало бы переброске военно-морских сил СССР из Черного моря на Дальний Восток³¹.

Конференция в Монтрё начала свою работу с выступления глав делегаций. Представители Румынии, Греции и Югославии поддержали требования «дружественной и союзной» им Турции, заявив, что в ее безопасности они заинтересованы так же, как в своей собственной³². Английская делегация оказала закулисное давление на турецкую, греческую, болгарскую и югославскую делегации с целью поддержки ими британской точки зрения и противодействия усилиям советской дипломатии³³.

В своей речи глава румынской делегации Титулеску подчеркнул, что если для Турции проливы являются сердцем, то для Румынии они служат легкими, которыми она дышит³⁴.

Турецкий проект нельзя было назвать полностью дружественным по отношению к СССР, так как он содержал пункт, нарушавший законные советские интересы: ограничение тоннажа военных кораблей черноморских стран при проходе через проливы. Несмотря на это, советская делегация поддержала его, внося лишь некоторые поправки. Правительство СССР заявило, что оно признает «право Турции на полную свободу ее собственных берегов и территорию ее республики»³⁵. Советское правительство, отстаивая принципы коллективной безопасности, стремилось создать наиболее благоприятные условия для стран, заинтересованных в отпоре фашистской агрессии. Глава советской делегации М. М. Литвинов, выступая в день открытия конференции, указал на особые интересы Советского Союза, вытекающие из его географического положения, «разобщения окружающих его морей», заявив, что «если, по образному выражению г. Титулеску, проливы являются сердцем Турции и легкими Румынии, то для Советского Союза они составляют жизненный нерв, соединяющий разные части его тела»³⁶. Литвинов подчеркнул, что вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции должен быть разрешен «с удовлетворением справедливых требований Турции, с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира

---

³¹ Альтман В. В. Из истории рабочего класса..., с. 509.

³² DDF, ser. 2, t. 2, N 337, p. 511.

³³ DBFP, ser. 2, v. 16, p. 687.

³⁴ DDF, ser. 2, t. 2, p. 511.

³⁵ ДВП СССР, т. 19, с. 316.

³⁶ Там же.

в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира»³⁷.

Откровенно враждебную позицию в отношении СССР и других черноморских государств занимала Англия, правительство которой стремилось нанести удар по советской политике коллективной безопасности, подорвать значение советско-французского пакта. Поскольку все участники конференции одобрили турецкий проект конвенции, английская делегация вынуждена была, хотя и с оговорками, присоединиться к этому решению. Глава британской делегации лорд Стэнхоуп 22 июня заявил о согласии Англии на ремилитаризацию проливов «при условии принятия конференцией приемлемого для Англии режима прохода судов»³⁸. В дальнейшем английские представители настаивали на признании Черного моря открытым международным морем и возражали против введения ограничений на вход в проливы военных кораблей нечерноморских государств.

Смысл английских предложений сводился к тому, чтобы запретить советский военный флот в Черном море, создать благоприятные условия для прохода через проливы военных судов нечерноморских держав. Английская делегация требовала неограниченного доступа в Черное море военных кораблей любого тоннажа и с любым вооружением, равенства всех держав в проходе через проливы. В беседе с делегатом Франции Поль-Бонкуром 22 июня Стэнхоуп безуспешно добивался согласия на принцип «равенства» применительно к проходу военных судов из Средиземного моря в Черное и обратно³⁹.

По расчетам английских правящих кругов ослабление Советского Союза в Черном море укрепило бы позиции Англии в этом районе, предоставило бы свободу действий британскому флоту в черноморском бассейне и усилило английское влияние в Турции⁴⁰.

Антисоветская позиция английской делегации получила поддержку со стороны делегации Японии. Глава японской делегации Сато, выступая 22 июня, подчеркнул, что его страна готова принять самые жесткие ограничения для кораблей нечерноморских стран, лишь бы черноморские страны были подчинены таким же условиям⁴¹. В доверительной беседе с английским вице-консулом в Монтрё в день открытия конференции Сато заявил, что Япония «разделяет английскую точку зрения»⁴². Вице-консул считал, что в случае применения лимита в равной степени к входу в Черное море и выходу из него это может дать

---

³⁷ ДВП СССР, т. 19, с. 311.

³⁸ DDF, ser. 2, t. 2, p. 512.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 51.

⁴¹ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 178.

⁴² DBFP, ser. 2, v. 16, N 506, p. 686.

Англии «далеко идущие преимущества»⁴³. Высказывания британского дипломата со всей очевидностью показывали анти-советские цели английского империализма в бассейне Черного моря.

23 июня началось обсуждение турецкого проекта новой конвенции. В своем выступлении М. М. Литвинов выразил удовлетворение тем, что в турецком проекте приняты во внимание интересы не только Турции, но и других черноморских стран. Литвинов указал на особый характер проливов Босфор и Дарданеллы, ведущих в закрытое Черное море⁴⁴. Советское правительство настаивало лишь на том, чтобы путем ограничения прохода через проливы военных кораблей нечерноморских государств была бы обеспечена безопасность черноморских стран. СССР требовал, чтобы его суда, построенные на черноморских верфях, имели бы возможность следовать в другие порты, а корабли, спущенные со стапелей на верфях других морей, могли быть переведены в Черное море. В интересах черноморских стран М. М. Литвинов внес поправку к турецкому проекту, что ограничения, предусмотренные этой статьей, касаются только судов нечерноморских государств и не должны препятствовать выходу советского Черноморского флота в Средиземное море⁴⁵. Советский делегат предложил также новую редакцию статьи 7. В ней говорилось, что «запреты во время войны не могут служить препятствием ни для прохода военных судов во исполнение обязательств о помощи, вытекающих из Устава Лиги наций или из соглашений, заключенных в рамках Устава, ни для прохода через проливы военных судов того государства, которому оказывается помощь»⁴⁶.

Французский делегат Поль-Бонкур поддержал предложение СССР, которое, по его словам, имеет особое значение, поскольку оно, как и замечание Румынии, выражает мнение черноморских государств, и должно быть принято во внимание в первую очередь⁴⁷. На заседании 24 июня Поль-Бонкур настаивал на том, чтобы в новой конвенции было обеспечено «выполнение обязательств Франции по пакту Лиги наций и французских соглашений, заключенных в рамках Устава Лиги наций»⁴⁸. В беседе с Литвиновым в тот же день Поль-Бонкур высказался за применение пактов взаимопомощи в бассейне Черного моря⁴⁹.

Английская дипломатия резко выступила против советских предложений. На заседаниях 23 и 24 июня представитель Англии лорд Стэнхоуп упорно настаивал на том, чтобы огра-

⁴³ Ibid., p. 687.

⁴⁴ ДВП СССР, т. 19, с. 314—315.

⁴⁵ DDF, ser. 2, t. 2, N 337, p. 524.

⁴⁶ Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946, т. 4, с. 142—143.

⁴⁷ DDF, ser. 2, t. 2, N 348, p. 525.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid., p. 538.

ничения, применяемые при входе в проливы военных кораблей нечерноморских стран, идущих из Средиземного моря в Черное, применялись также и к военным судам черноморских стран, следующих в Средиземное море⁵⁰. Стэнхоуп пытался обосновать введение английского флота в Черное море необходимостью проведения «операций полицейского характера», маневров, «показа британского флага»⁵¹. На встрече с Литвиновым вечером 24 июня английский вице-консул в Монтрё высказал недовольство тем, что турецкий проект предусматривает ограничения для военных флотов нечерноморских держав, входящих в Черное море, и потребовал таких же ограничений для советских военных судов, направлявшихся в Средиземное море⁵². Вице-консул ссылался на положения Лозаннской конвенции, которые объявляли проливы и Черное море «международными водами». Советский делегат заявил, что СССР никогда не признавал эти принципы и поэтому не ратифицировал Лозаннскую конвенцию⁵³. М. М. Литвинов подчеркнул, что отменой ограничений на ввод в Черное море флотов нечерноморских держав могут воспользоваться агрессивные державы — Япония, Германия или Италия для отправки туда флотов, равных советскому Черноморскому флоту⁵⁴.

25 июня Форин оффис направил Стэнхоупу инструкцию, в которой рекомендовал английской делегации добиваться взамен признания права на выход советских военно-морских сил из Черного моря в Средиземное, «максимальной степени свободы для прохода британского флота в Черное море, особенно во время войны»⁵⁵. Таким образом, английское правительство настойчиво стремилось добиться как можно более широкого доступа в Черное море своих военно-морских сил и превращения его в «открытое международное море».

Советское правительство терпеливо пыталось найти взаимоприемлемый компромисс с английским правительством в спорных вопросах. 27 июня в Женеве состоялась беседа М. М. Литвинова с английским министром иностранных дел А. Иденом, который заявил, что он готов снять возражение против выхода советского флота из Черного моря, но с тем, чтобы была установлена определенная зависимость между тоннажем иностранных и советских судов в Черном море. М. Литвинов считал возможным «в крайнем случае принять предложение Идена»⁵⁶.

Однако дальнейшее поведение английской делегации не сви-

---

⁵⁰ DDF, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524.

⁵¹ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 142; Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 53.

⁵² DBFP, ser. 2, v. 16, N 508, p. 688.

⁵³ Ibid., p. 688—689.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibid., N 509, p. 690—691.

⁵⁶ ДВП СССР, т. 19, с. 753; примеч. 127.

детельствовало о желании английского правительства достигнуть взаимоприемлемого компромисса. На позиции английской делегации в Монтрё сказалося давление гитлеровской Германии, заинтересованной в срыве конференции и в том, чтобы советский флот был заперт в Черном море. Нацистская дипломатия внимательно следила за ходом переговоров в Монтрё. Германский посол в Турции Кёллер в донесении министру иностранных дел Нейрату 24 июня со злорадством отмечал обострение англо-советского конфликта в Монтрё и приветствовал стремление Англии «в согласии с Японией предотвратить появление русских военных судов в Средиземном море»⁵⁷. 1 июля Нейрат в беседе с английским послом в Берлине выразил опасения германского правительства относительно возможных уступок британского делегата советским требованиям на конференции в Монтрё и пригрозил отказом Германии от англо-германского морского соглашения 1935 г.⁵⁸

Турецкая делегация за спиной советской делегации начала закулисные переговоры с английскими дипломатами. В беседе с членом британской делегации Ренделом 26 июня генеральный секретарь МИД Турции Менеменджиоглу объявил советские требования «чрезмерными» и заявил, что, даже если все заинтересованные государства примут эти требования, турецкое правительство не сделает этого⁵⁹. «Турки не согласятся на превращение Черного моря в русское озеро, а сами не будут служить просто привратниками России», — заявил Менеменджиоглу⁶⁰. Турция попытается ограничить советские военно-морские силы на Черном море, насколько это возможно, на их нынешнем уровне, и она надеется, что «это будет достигнуто путем применения «скользящей шкалы», с помощью которой лимит для нечерноморских сил, входящих в Черное море, может быть увеличен пропорционально любому увеличению силы любого черноморского флота»⁶¹.

О дальнейшем сближении позиций Англии и Турции на анти-советской основе свидетельствовали переговоры члена британской делегации Рендела и адмирала Беллэрса с советскими представителями 29 июня. Английские делегаты предложили ввести так называемую «скользящую шкалу»: общий тоннаж нечерноморских держав в Черном море не должен превышать 30 тыс. т, но если флот «сильнейшей черноморской страны» увеличится более чем на 10 %, то общий лимит тоннажа нечерноморских держав должен быть соответственно увеличен⁶². Рендел настаивал на посылке дополнительных сил английского

---

⁵⁷ DGFP, ser. C, v. 5, N 400, p. 675.

⁵⁸ Ibid., N 417, p. 714.

⁵⁹ DBFP, ser. 2, v. 16, N 511, p. 693.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid., N 512, p. 694—695.

флота в Черное море под предлогом предоставления помощи в связи со «стихийными бедствиями, например землетрясением», а также в случае возникновения «гражданских беспорядков, угрожающих жизни британских подданных и их собственности»⁶³. Тем самым он пытался найти предлог для английской интервенции против черноморских стран, и прежде всего против Советского Союза. Советская делегация резко выступила против вмешательства Англии во внутренние дела черноморских стран.

Для того чтобы укрепить свои позиции в дипломатической борьбе с СССР путем создания единого англо-итало-японского фронта, правительство Англии пыталось привлечь на конференцию в Монтрё Италию. При этом Англия не только добивалась включения своих предложений в турецкий проект конвенции о проливах, но и ставила своей целью достигнуть соглашения с Италией под прикрытием переговоров о заключении Средиземноморского пакта⁶⁴. Англо-итальянское сближение должно было несколько ослабить итало-германские связи. 18 июня 1936 г. А. Иден объявил в палате общин о решении правительства Англии предложить отмену санкций, а 30 июня ассамблея Лиги наций в Женеве отменила применение санкций к Италии с 15 июля 1936 г.⁶⁵

Однако усилия Англии привлечь Италию к участию в конференции не увенчались успехом. Итальянское правительство уклонилось от участия в конференции под предлогом сохранения в силе джентльменского соглашения 1935 г., направленного против Италии. Подлинная причина отказа Италии заключалась в том, что она вступила на путь сближения с Германией, подавшей пример одностороннего нарушения мирных договоров.

К концу июня конференция из-за антисоветской позиции Англии, Японии, поддержанной Турцией, фактически зашла в тупик. 5 июля 1936 г. заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков заявил турецкому послу в Москве Апайдыну, что позиция Турции по вопросу о проливах «вызывает много горечи и недовольства в общественных и правительственных кругах» СССР⁶⁶. После своего разговора с Б. С. Стомоняковым Апайдын телеграфировал Арасу в Монтрё с просьбой отказаться от ограничения тоннажа советских военных кораблей⁶⁷.

6 июля 1936 г. английская делегация выдвинула свой собственный проект конвенции, который существенно ущемлял интересы черноморских стран, в том числе Турции, и был направлен против советских усилий по обеспечению коллективной безопас-

---

⁶³ DBFP, ser. 2, v. 16, N 512, p. 694—695.

⁶⁴ DBFP, ser. 2, v. 16, N 315, p. 419—420.

⁶⁵ Parliamentary Debates. House of Commons, v. 315, 27/VII, 1936, p. 1124.

⁶⁶ ДВП СССР, т. 19, с. 351.

⁶⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 2760, л. 57.

ности в бассейне Черного моря⁶⁸. По совету Англии турецкие представители сняли свой проект конвенции, который, хотя и не полностью, но учитывал интересы черноморских государств и был поддержан Советским Союзом. В результате закулисных переговоров с английской делегацией Турция обязалась выступить против советских предложений⁶⁹.

Английский проект предусматривал сохранение Комиссии проливов и свободный проход военных кораблей в мирное время без ограничений цели визита, но ограничивал тоннаж 15 тыс. как для черноморских, так и для нечерноморских стран, вводил тоннаж в 30 тыс. т для иностранного флота в Черном море. Более того, максимальный тоннаж флота нечерноморских держав мог быть увеличен до 45 тыс. т, согласно росту советского Черноморского флота, а срок пребывания иностранных военных кораблей в Черном море не ограничивался. Во время войны, в случае турецкого нейтралитета, все вышеуказанные условия сохраняли силу, но не должны были наносить ущерб «правам воюющих сторон». При участии Турции в войне, она сама устанавливала режим проливов⁷⁰. Английский проект затрагивал интересы прежде всего СССР. Так, советские военные корабли водоизмещением свыше 15 тыс. т, в том числе линкор «Парижская Коммуна» (23 тыс. т), были бы заперты в Черном море; производительность черноморских верфей ограничивалась, а суда из других морей не могли быть переброшены в этот район.

Таким образом, английский проект, признавая Черное море «открытым международным морем», полностью игнорировал интересы черноморских государств. Он создавал благоприятные условия для агрессии против СССР военно-морских сил не только Англии, но и фашистских держав — Германии и Италии.

Делегация СССР решительно выступила против антисоветских целей английского проекта. В центр внимания конференции она выдвигала проблему создания коллективной безопасности и повышения реального значения пактов взаимопомощи с Францией, Чехословакией. 9 июля советская делегация внесла важное дополнение к английскому проекту, предусматривавшее, что конвенция ни в чем не должна ограничивать возможное применение мер, предусмотренных пактом Лиги наций по отношению к агрессору, не должна «помешать проходу через проливы военных судов, которые выполняют обязательства о взаимной помощи, взятые или могущие быть взятыми на себя в будущем государствами... в силу соглашений, дополняющих пакт Лиги наций»⁷¹. Дополнение, внесенное СССР, было поддержано не только делегациями Франции и Румынии, но и

---

⁶⁸ DBFP, ser. 2, v. 16, N 516.

⁶⁹ Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 54.

⁷⁰ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 144—146.

⁷¹ Там же, с. 150.

Югославии и Греции⁷². При этом, если раньше Поль-Бонкур старался примирить точки зрения Англии и СССР, то к середине июля он выступил полностью на стороне советской делегации. 9 июля он заявил, что всецело стоит на стороне СССР и подчеркнул, что принятие советской поправки к статье 23 является непременным условием подписания Францией новой конвенции о проливах⁷³.

Противодействие большинства участников конференции заставило английскую делегацию пойти на некоторые уступки. Англия согласилась на свободный проход через проливы во время войны судов тех государств, которые будут связаны договором о взаимной помощи с Турцией, но отказалась распространить конвенцию на советско-французский пакт о взаимопомощи⁷⁴. Английское правительство отдавало себе отчет в том, что Советское правительство не пойдет на уступки в принципиальных вопросах. Оно не могло не учитывать и позиции Франции и Румынии, которые поддерживали большинство советских предложений. Временно исполняющего обязанности министра иностранных дел Англии лорда Галифакса очень тревожил тот факт, что «русские поправки вызвали серьезное беспокойство в Германии... которая может расценить их как направленные против нее. Если французы, русские и румыны будут упорствовать в своей позиции, то перед Англией стоит выбор: либо сорвать конференцию в Монтрё, либо согласиться с русскими предложениями с риском для далеко идущих отношений с Германией»⁷⁵ (меморандум Форин оффис от 13 июля 1936 г.). Будущего мюнхенского «миротворца» больше всего страшила перспектива ухудшения англо-германских отношений и срыва военно-морского соглашения с Германией, подписанного в 1935 г.

В то же время английское правительство опасалось зайти слишком далеко в своем упорстве и тем самым воспрепятствовать своему взаимопониманию с Турцией. Оно не хотело провала конференции, который был бы торжеством Германии и Италии. Правительство осознавало также, что оно не может достигнуть соглашения по проливам без подписи СССР. Эти обстоятельства заставили Идена дать указание английской делегации принять основные требования Советского Союза⁷⁶. Одной из главных причин, заставивших Англию пойти на уступки, было подписание в наиболее критический период переговоров в Монтрё германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г.⁷⁷ В донесении Гитлеру от 16 июля 1936 г. германский

---

⁷² DBFP, ser. 2, v. 16, N 522, p. 713.

⁷³ Ibid., p. 714.

⁷⁴ Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 58.

⁷⁵ DBFP, ser. 2, v. 16, N 533, p. 730.

⁷⁶ Живкова Л. Англо-турские отношения, 1933—1939, с. 75—76.

⁷⁷ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 180.

посол в Вене фон Папен писал, что с заключением соглашения с Австрией «главенство в европейской политике вырвано из рук французов и англичан и перешло к Германии»⁷⁸. В руководящих кругах Наркоминдела СССР считали, что с подписанием соглашения 11 июля «Германия получила возможность произвести неофициальный аншлюс Австрии»⁷⁹. Заместитель наркома Н. Н. Крестинский полагал, что «экономическое и военно-политическое продвижение Германии на Балканы... сейчас может происходить беспрепятственно через Австрию»⁸⁰.

Английское правительство стремилось разрешить свои противоречия с Германией путем направления немецко-фашистской агрессии против СССР. Одновременно оно пыталось закрыть путь германской экспансии в нефтеносные районы Ближнего и Среднего Востока. Заключение австро-германского соглашения, укреплявшего позиции Германии в Центральной Европе, вызывало беспокойство у британских правящих кругов. В меморандуме заместителя министра иностранных дел Англии Р. Ванситарта от 16 декабря 1936 г., оценивающим мировую ситуацию, отмечался рост германской и итальянской «пропаганды» на Среднем Востоке⁸¹, в докладе от 18 декабря говорилось, что итало-германское сближение «изменило всю ситуацию на Дунае». Германское продвижение в Юго-Восточную Европу носит «антибританский характер», так как преследует цель «поставить дунайские страны и Балканы под полное германское господство»⁸². Правительство Англии, заинтересованное в том, чтобы преградить путь Германии в ближневосточный регион и Восточное Средиземноморье, было вынуждено пойти на уступки советской делегации в Монтрё.

Таким образом, благодаря твердой и последовательной позиции Советского правительства английское и турецкое правительства были вынуждены принять во внимание интересы СССР, что открывало путь для успешного завершения конференции в Монтрё. 20 июля 1936 г. участники конференции подписали конвенцию о режиме проливов, заменившую прежнюю Лозаннскую конвенцию. Новая конвенция полностью удовлетворяла требование Турции о восстановлении ее прав в зоне проливов.

В руководящих кругах СССР новая конвенция была расценена как значительный шаг вперед в деле обеспечения европейского мира⁸³. Вместе с тем в Советском Союзе отмечали и недостатки новой конвенции, наиболее существенным из которых было предоставление Турции, особенно в военное время,

---

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, е. хр. 195, л. 165.

⁷⁹ ДВП СССР, т. 19, с. 366.

⁸⁰ Там же, с. 371.

⁸¹ FO. 371 19983×/05339, p. 212.

⁸² FO. 371 19983×/05339, p. 215—216.

⁸³ Известия, 1936, 22 июля.

права толковать ее и проводить в жизнь по своему единоличному усмотрению⁸⁴.

Английское правительство потерпело неудачу в попытках получить для себя возможно более выгодные условия новой конвенции о проливах. Провалились и усилия Англии принизить значение советско-французского пакта о взаимной помощи. Однако провал антисоветских планов Англии в Монтрё не означал ущемления английских интересов в вопросе режима черноморских проливов. Выступая в палате общин 27 июля 1936 г., британский министр иностранных дел А. Иден расценил результаты конференции в Монтрё как «чрезвычайно удовлетворительные» для Англии. Превратно толкуя конвенцию, Иден попытался создать впечатление, что она подтвердила «международный характер» Черного моря. Особое удовлетворение у Идена вызвал тот факт, что после конференции установилось «тесное и более сердечное взаимопонимание между английским и турецким правительствами»⁸⁵.

С нескрываемым недовольством успешное завершение конференции в Монтрё было встречено в гитлеровской Германии и фашистской Италии. Фашистские державы были недовольны тем, что конференция значительно укрепила безопасность советских южных границ. «Мы вынуждены констатировать, что наше положение, по сравнению с предыдущим, значительно ухудшилось», — говорилось в меморандуме германского МИД от 21 июля 1936 г.⁸⁶ Особое беспокойство в Берлине вызывала возможность переброски советских военных кораблей из Черного моря в Балтийское и закрытие входа в Черное море крупным военным германским судам⁸⁷.

Несмотря на ряд недостатков, конвенция, подписанная в Монтрё, несомненно, была шагом вперед в деле укрепления коллективной безопасности и являлась большим успехом советской дипломатии. Вместе с тем она была компромиссом между советской, английской и турецкой точками зрения. Урегулирование проблемы проливов указывало на возможность сдерживания коллективными усилиями заинтересованных государств фашистской агрессии и в Средиземном море⁸⁸. Однако начавшийся в июле 1936 г. франкистский мятеж в Испании и последовавшая за ним итало-германская интервенция дали новый импульс английской политике умиротворения агрессоров и ускорили поворот вправо французской буржуазии, ставшей на путь сговора с фашистскими державами.

---

⁸⁴ Попов В. И. Конференция в Монтрё 1936 г., с. 61.

⁸⁵ Parliamentary Debates. House of Commons, v. 315, N 132, p. 1072.

⁸⁶ DGFP, ser. C, v. 5, N 464, p. 795.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Смирнова Н. Д. Средиземноморье и Балканы. — В кн.: Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979, с. 195.